

САНДРА
БРАУН

СЛАДКАЯ
БОЛЬ

1994

Сандра Браун

Сладкая боль

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129570

Сладкая боль: Эксмо; Москва; 2001

ISBN 5-04-006015-7

Оригинал: SandraBrown, "Bittersweet rain"

Перевод:

Татьяна Шишова

Аннотация

Спустя годы молодой преуспевающий бизнесмен Ринк Ланкастер возвращается в свой родной дом, где вновь встречает женщину, которую страстно любил в юности. Наделав ошибок, они расстались без надежды на встречу. И вот теперь судьба снова свела их вместе, чтобы они поняли – их любовь не умерла и страсть, несмотря на пропасть, разделившую их, готова вспыхнуть с новой силой.

Содержание

1	4
2	27
3	51
4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сандра Браун

Сладкая боль

1

– Вы уверены, док?

Хирург утвердительно кивнул:

– Сожалею, миссис Ланкастер, но случай запущенный.

– И... никакой надежды?

– Увы, мы можем лишь избавить мистера Ланкастера от боли. – Врач дотронулся до плеча Каролины и со значением поглядел на мужчину, стоявшего рядом с ней. – Крепитесь, это продлится недолго. От силы пару недель.

Каролина молча кивнула и поспешно отвернулась, пытаясь скрыть слезы.

Доктор мучился сознанием собственного бессилия. Когда родственники больных, услышав страшный приговор, впадали в истерику, ему удавалось сохранить хладнокровие. Но то, что эта хрупкая женщина так мужественно восприняла печальную весть, совершенно выбило молодого врача из колеи. Он вдруг ощутил себя неопытным юнцом, а ответственность, лежащая на нем, показалась ему непосильной ношей.

– Если бы мистер Ланкастер своевременно прошел обследование, то, может быть... – подавленно проговорил хирург.

Каролина покачала головой.

– Он не хотел. Я с самого начала, как только он впервые пожаловался на боли в желудке, уговаривала его обратиться к вам. Но он все отнекивался – уверял, что это простое несварение.

– Да, Роско не переупрямишь. Это всем известно, – подал голос спутник Каролины Ланкастер – адвокат Грейнджер Хопкинс. Он ласково взял Каролину за руку. – Скажите, доктор, миссис Ланкастер может с ним увидеться?

– Действие наркоза закончится через несколько часов, уже к вечеру, – ответил врач. – Я бы советовал вам поехать домой и отдохнуть.

Каролина кивнула, и адвокат Грейнджер, друг семьи Ланкастеров, повел ее к выходу. Они ждали лифт в тяжелом молчании. Известие о том, что дни Роско сочтены, оглушило Каролину, но в глубине души она уже знала приговор. Жизнь никогда ее не баловала, поэтому наивно было бы надеяться на положительные результаты биопсии и тешить себя мыслью, что у Роско ничего страшного нет, что это обыкновенная язва...

– Как вы себя чувствуете? – тихо спросил Грейнджер, когда двери лифта закрылись, оградив их от посторонних взоров.

Каролина прерывисто вздохнула:

– Как может чувствовать себя женщина, узнав, что ее муж скоро умрет?

– Да-да, конечно. Извините.

Каролина подняла на него глаза и печально улыбнулась. Грейнджер тут же растаял. Ее улыбка неизменно трогала сердца мужчин и женщин.

– Не сердитесь, Грейнджер. Я не могу вам передать, как я рада, что вы наш друг.

Они шли по вестибюлю недавно отремонтированной больницы. И больничным персоналом, и посетителями, узнав жену Ланкастера, спешили отвести глаза. В их взглядах читалось любопытство, однако лица были почтительными. Все уже знали... В маленьких местечках типа Уинстонвиля весть о том, что самый богатый его житель вот-вот умрет, разносится с молниеносной быстротой.

Грейнджер проводил Каролину до машины и распахнул перед ней дверцу. Она села за руль, но не торопилась повернуть ключ зажигания. Каролину обуревали тягостные, тревожные мысли. Теперь ей предстоит взять на себя столько печальных обязанностей. Что же надо сделать в первую очередь?

– Нужно сообщить Ринку.

Каролину словно проткнули ледяной иглой. «Ринк, Ринк», – оглушительно прозвучало в ушах. Боль была такой сильной, что она не могла пошевелиться.

– Каролина, вы меня слышите? Я сказал...

– Да, я слышала.

– Перед операцией Роско взял с меня слово, что, если ди-

агноз будет неутешительный, я свяжусь с Ринком.

Красивые темно-серые глаза Каролины посмотрели на адвоката в упор.

– Он просил вас связаться с Ринком?

– Да. И я обещал это сделать.

– Странно... Я думала, они никогда не помирятся.

– Роско умирает, Каролина. Он, наверное, догадывается, что уже не выйдет из больницы, и хочет повидаться с сыном перед смертью.

– Но они двенадцать лет не виделись и даже не разговаривали, Грейнджер! Я не уверена, что Ринк согласится приехать.

– Согласится, когда узнает все обстоятельства.

Неужели? О Господи, неужели Ринк приедет? И она увидит его вновь?.. Как-то он теперь выглядит?.. Все было так давно... С тех пор прошло двенадцать лет!.. Каролина судорожно сжала руль «Линкольна». Ладони ее увлажнились от волнения. Да что ладони! Она вся покрылась холодной испариной.

– Не волнуйтесь, – сказал Грейнджер, почувствовав ее смятение. – Разговор с Ринком я возьму на себя, это будет вполне уместно, ведь вы же не знакомы с ним.

Каролина не стала его переубеждать. Все эти двенадцать лет она от всех скрывала свое знакомство с Ринком, теперь ей незачем открывать свою тайну.

– Спасибо за все, – благодарно улыбнулась она и накрыла

ладонью руку Грейнджера.

Некрасивое, длинное лицо адвоката напоминало морду борзой. Щеки обвисли, словно шары, из которых выпустили воздух. Когда Каролина дотронулась до его руки, Грейнджер покраснел, как мальчишка. Лохматый и сутулый, он казался добродушным тюфяком и мямлей, но его карикатурная внешность была обманчивой. Грейнджер обладал острым, изворотливым умом, что, впрочем, не мешало ему оставаться честным до щепетильности.

– Я всегда рад помочь, Каролина. Вы только скажите.

Каролина покачала головой. Уже одно то, что он вызвался сам поговорить с Ринком, было для нее огромным облегчением. Она бы не справилась с этим сама.

– Мне придется сообщить правду Лауре Джейн. – Серые глаза наполнились слезами. – Господи, как тяжело!

– И все же вы сделаете это лучше, чем кто-либо другой. – Грейнджер погладил Каролину по руке и отошел от машины. – Я позвоню после обеда и, если хотите, отвезу вас в больницу.

Каролина кивнула и завела мотор. Городок уже проснулся, и жизнь била в нем ключом. Люди были поглощены будничными хлопотами, и большинство из них пока не подозревало о том, что мир Каролины Доусон Ланкастер рухнул в одночасье.

Роско Ланкастер, человек, который сначала взял ее к себе на работу, а потом женился на ней, скоро умрет. Недолго

она жила спокойно и была уверена в завтрашнем дне. Теперь будущее вновь станет зыбким... Ведь для нее смерть Роско – это не только потеря близкого человека, но и утрата положения в обществе.

Каролина проехала мимо хлопковой фабрики, принадлежавшей Ланкастеру. В нынешнем году урожай хлопка будет большим, надо как следует подготовиться к его переработке. Да, видимо, придется не откладывая рассказать мастерам на фабрике о том, как обстоят дела Роско. И это ей предстоит сделать самой, поскольку с тех пор, как здоровье Роско пошатнулось, она взяла бразды правления в свои руки. Мастера, естественно, по секрету поделятся новостью с рабочими, и скоро уже весь город будет знать, что дни Роско Ланкастера сочтены.

Женитьба Роско Ланкастера на Каролине Доусон, которая была на тридцать лет его моложе, в свое время вызвала массу сплетен. «Ишь как эта оборванка Доусон хорошо устроилась, – судачили люди. – Живет теперь в поместье Укромный уголок, ездит на блестящем новехоньком „Линкольне“, одевается словно куколка. Подумать только! Все ведь помнят, как она носила залатанные джинсы и подрабатывала после уроков в магазине „Вулворт“. А теперь выскочила за самого богатого человека в округе и важничает, нос задирает!»

Каролина старалась поменьше бывать среди этих людей. Ей докучали любопытные взгляды, в которых явственно читался вопрос: интересно, каким зельем сероглазая ведьма

опоила Роско, который столько лет был вдовцом, а теперь вдруг взял – и женился?

Скоро горожане явятся к ней выражать соболезнования... Каролина на мгновение закрыла глаза и вздрогнула. И лишь при виде усадьбы Ланкастеров немного взбодрилась. Она до последнего вздоха будет, наверное, любить этот дом. Он пленил ее с первого взгляда, когда она была еще маленькой девочкой и, гуляя по лесу, заметила его за деревьями.

Дом был окружен величественными дубами, которые раскинули могучие замшелые ветви, словно заключая его в богатырские объятия. Сам же особняк напоминал кокетливую южанку в пышном кринолине. Стены особняка изумляли своей белизной. Фасад украшали коринфские колонны. Они поддерживали балкон на втором этаже. Вернее, даже не балкон, а просторную галерею, опоясывавшую весь дом. На веранде стояла белая плетеная мебель. Ее вносили в дом только в холодные зимние месяцы, когда шли затяжные дожди. Балкон огораживала узорчатая чугунная решетка, выкрашенная белой краской и напоминавшая кружева на женской юбке. Зеленые ставни прикрывали высокие окна, которые зеркально поблескивали на солнце.

Пчелы самозабвенно жужжали, роясь над благоухавшими цветами, такими яркими и пестрыми, что рябило в глазах. Нигде больше не было столь зеленой травы. Она казалась пушистым ковром, расстеленным вокруг особняка.

Блаженная тишина окутывала дом, словно волшебный ту-

ман, опустившийся на сказочный замок. Сколько Каролина себя помнила, этот особняк был для нее пределом мечтаний. Теперь она в нем жила. Но сегодня Каролине стало ясно, что ее пребывание здесь подходит к концу.

Она остановила машину на засыпанной гравием дорожке, делавшей петлю перед входом в дом. Но, заглушив мотор, еще немного посидела, наводя порядок в мыслях и собираясь с силами. Да, сил ей сегодня понадобится много... День будет нелегким.

После яркого солнечного света в холле было темно. Своей планировкой Укромный уголок, построенный до войны Севера с Югом, ничем не отличался от множества других домов богатых плантаторов. Просторный холл разделял особняк на две половины. По одну его сторону располагались парадная столовая и библиотека, где Роско устроил свой офис, а по другую – две гостиные, для торжественных приемов и обычная. Они были отделены от холла и друг от друга большими раздвижными дверями. Каролина не помнила, чтобы эти двери когда-нибудь закрывались. Красиво изгибавшаяся резная лестница вела на второй этаж, где находились четыре спальни.

В доме царил прохлада, в летнюю духоту это было блаженство. Каролина сняла пиджак, повесила его на плечики и принялась расстегивать шелковую блузку.

– Ну что? Какие новости?

Миссис Хейни, служившая в Укромном уголке экономкой

еще с той поры, когда Мар-лена Уинстон вышла замуж за Роско Ланкастера, замерла на пороге столовой. Миссис Хейни прибежала с кухни, вытирая посудным полотенцем свои большие, ловкие, натруженные руки.

Каролина обняла ее.

– Значит, плохо? – прошептала экономка и ласково погладила Каролину по прямой спине.

– Хуже некуда. У него рак. Он не вернется домой.

У Хейни вырвалось сдавленное рыдание. Женщины обнялись, утешая друг друга. Правда, Хейни жалела в основном не Роско, которого недолюбливала все годы, что служила у него в доме. Ей гораздо больше было жаль тех, кого он оставлял. В том числе и его молодую вдову.

Поначалу Хейни отнеслась к новой хозяйке Укромного уголка настороженно и неприязненно. Но, убедившись, что Каролина не собирается менять порядки, установленные Мар-леной, постепенно прониклась к ней симпатией. В конце концов, девушка же не виновата в своем происхождении! Дети за родителей не отвечают. С Лаурой Джейн Каролина обращалась обходительно, и уже одного этого было достаточно, чтобы завоевать расположение Хейни.

– Хейни! Каролина! Что это с вами?

Женщины обернулись. На нижней ступеньке лестницы стояла Лаура Джейн. Дочери Роско было двадцать два года, но она выглядела подростком. Шелковистые каштановые волосы, разделенные на прямой пробор, подчеркивали блед-

ность лица, казалось, сделанного из полупрозрачного фарфора. Черты его были слишком утонченными, почти неземными. Длинные пушистые ресницы окаймляли большие бархатисто-карие глаза, взиравшие на мир с печалью. Но увы, очаровательная Лаура Джейн была недоразвита и умственно, и физически. Прелестный бутон, которому не суждено стать прекрасным цветком... Время было над ней не властно.

– Папе сделали операцию, да? Он скоро вернется домой?

– Доброе утро, Лаура Джейн, – сказала Каролина падчерице, которая была всего на пять лет моложе ее самой, если измерять разницу в возрасте только годами. – Давай прогуляемся, милая, – предложила она, беря девушку под руку. – Сегодня такой славный денек.

– Давай. А почему Хейни плачет?

Хейни утирала глаза полотенцем.

– Ей грустно.

– Почему?

Каролина вывела девушку на веранду.

– Из-за Роско. Он тяжело болен, Лаура Джейн.

– Я знаю. У него все время болит желудок.

– Да, и доктор сказал, что Роско не выздоровеет.

Они вышли на лужайку. Два раза в неделю, независимо от погоды, рабочие подстригали газоны, поддерживая их в идеальном состоянии. Лаура Джейн сорвала маргаритку, выросшую возле тропинки.

– У папы рак, да?

Порой ее пронизательность изумляла домашних.

– Да, – кивнула Каролина.

Она не собиралась скрывать от Лауры Джейн правду. Это было бы жестоко.

– По телевизору много говорят о раке. – Девушка остановилась и с тревогой заглянула Каролине в глаза. Мачеха и падчерица были одного роста. – Папа может умереть.

Каролина вздохнула.

– Он умрет, Лаура Джейн. Доктор сказал, что ему осталось жить совсем немного.

Из темно-карих глаз не выкатилось ни слезинки. Лаура Джейн задумчиво понюхала маргаритку, осмысливая услышанное. Потом опять посмотрела на Каролину.

– Он попадет в рай, как ты думаешь?

– Надеюсь... Да-да, конечно, дорогая.

– Тогда, значит, папа соединится с мамой. Она ведь давно ждет его на небе. Мама обрадуется. А у меня останешься ты. И Хейни со Стивом, – Лаура Джейн оглянулась на конюшню. – Да, и еще же есть Ринк! Он каждую неделю присылает мне по письму. Пишет, что любит меня и всегда будет обо мне заботиться. Как ты думаешь, Ринк сдержит свое обещание, Каролина?

– Обязательно, – Каролина сжала губы, с трудом подавляя рыдания.

Разве Ринк способен сдержать слово? Даже данное родной сестре...

– А почему тогда он не живет с нами?

Вполне логичный вопрос.

– Ну, может, твой брат скоро вернется домой, – уклончиво ответила Каролина.

Она не хотела обнадеживать девушку, не убедившись наверняка в том, что Ринк приедет.

Лаура Джейн вновь пришла в безмятежное расположение духа.

– Стив меня ждет. Вчера ночью кобыла ожеребилась. Пошли посмотрим на малыша!

Девушка схватила Каролину за руку и потащила к конюшне. Каролина позавидовала ее жизнерадостности. Ей бы очень хотелось воспринимать неизбежную кончину Роско с такой же непоколебимой верой в его будущее существование в других пределах, какой природа наделила его дочь.

В конюшне было жарко. Приятно пахло лошадьми, кожей и сеном.

– Стив! – весело позвала Лаура Джейн.

– Я здесь, – откликнулся низкий мужской голос.

Стив Бишоп служил у Ланкастеров конюхом. Роско особенно не интересовался уходом за лошадьми, но чистокровные рысаки были его страстью. Бишоп выглянул из бокового стойла. Невысокий, кряжистый, он обладал недюжинной силой. Грубоватое лицо его производило бы отпугивающее впечатление, если бы не добродушное выражение, смягчавшее резкость черт. На длинных волосах Стива всегда красо-

валась либо повязка, сделанная из косынки, либо – как сейчас – ковбойская шляпа. Он был в старых, мятых джинсах, запыленных сапогах и грязной рубаше.

Когда Лаура Джейн бросилась к Стиву, его лицо озарилось улыбкой. Но глаза оставались печальны, даже когда Стив улыбался. Казалось, они жили своей отдельной жизнью и были гораздо старше тридцатисемилетнего конюха.

– Стив, мы пришли посмотреть на жеребенка, – едва слышно прошептала Лаура Джейн.

– Пожалуйста. Он там, – Стив кивнул на стойло за своей спиной.

Лаура Джейн побежала туда, а Стив вопросительно поглядел на Каролину.

– Рак, – тихо произнесла она, отвечая на его немой вопрос. – Его дни сочтены.

Стив вполголоса чертыхнулся и покосился на девушку, которая присела возле жеребенка и принялась ему ласково что-то нашептывать.

– Вы сказали ей?

– Да, и она восприняла это известие лучше, чем все мы.

Стив грустно усмехнулся:

– Ничего удивительного.

– Ой, Стив, какой же он красавчик! – раздался из стойла звонкий голос Лауры Джейн.

Стив смущенно погладил Каролину по плечу и неловко опустился на колени рядом с дочерью Ланкастера. На вет-

намской войне Стив лишился ноги – она была ампутирована до колена, – и он носил протез. Но заметно это становилось, лишь когда ему приходилось нагибаться.

– Да, детеныш прекрасный. И мамаша им очень гордится. – Он потрепал кобылу по крупу, не отрывая взгляда от Лауры Джейн.

Рука его сама потянулась к волосам девушки, чтобы снять прилипшую соломинку, пальцы легонько коснулись нежной щеки... Лаура Джейн подняла на него глаза, и они обменялись улыбками.

Каролина ошеломленно уставилась на них. Неужели они влюблены друг в друга? Она растерялась и хотела потихоньку ретироваться, но Стив окликнул ее:

– Миссис Ланкастер! Если я могу чем-нибудь помочь...

Он не договорил.

– Спасибо, Стив, но пока ничего не надо. Просто работайте, как работали, – и все.

– Договорились, мэм.

Стив знал, что своим местом у Ланкастера он обязан ей. Когда Стив Бишоп, прикрываясь ожесточением, будто щитом, явился к Роско искать работу, Каролина еще служила у Ланкастера секретаршей. Стив тогда носил длинный конский хвост, грудь его была увешана значками с антивоенными и антиамериканскими лозунгами, держался он вызывающе и чуть не взял Роско за грудки, требуя, чтобы тот дал ему шанс проявить себя в деле. Стив уже довольно долго пытал-

ся устроиться на работу, но повсюду получал отказ.

Каролину не смутило вызывающее поведение Стива. Она сразу поняла, что человек он, в сущности, хороший. Просто жизнь его слишком сильно была, и парень отчаялся. Поняв это, Каролина мгновенно ощутила свое внутреннее родство с ним. Ей ли было не знать, как обидно, когда к тебе приклеивают ярлык и судят лишь по внешности и по происхождению! Поэтому, когда Стив сказал, что до вьетнамской войны он ухаживал за лошадьми на ранчо, Каролина уговорила Роско нанять его.

И Роско ни разу об этом не пожалел. Стив быстро изменился к лучшему: остриг длинные волосы и позабыл про свои бунтарские замашки. Он усердно трудился, а лошадей чувствовал как никто другой. Окружающие только диву давались. Оказывается, в него нужно было лишь поверить – и все сразу встало на свои места!

По дороге к дому Каролина размышляла над увиденным. Да, Стив и Лаура любят друг друга! Она улыбнулась и покачала головой. В холле звонил телефон. Каролина машинально сняла трубку, не дожидаясь, пока это сделает Хейни.

– Алло!

– Каролина? Это Грейнджер.

– Да?

– Я говорил с Ринком. Он будет здесь сегодня вечером.

– Хейни, пожалуйста, приберись в комнате Ринка. Он се-

годня приедет.

Экономка не удержалась от слез.

– Слава Богу! Слава Богу! Значит, не зря я молилась, чтобы мальчик вернулся домой. Представляю, как возрадуется на небесах его матушка!.. А в комнате прибраться не надо, там и так полный порядок, надо только будет поменять постельное белье. Я каждую неделю чистоту наводила – на всякий случай. Вдруг, думаю, молодой хозяин решит приехать? Господи, как же мне не терпится поглядеть на моего красавчика!

Ну а Каролина, наоборот, старалась не думать о встрече с блудным сыном Роско. И, чтобы отвлечься, с головой ушла в мелкие хлопоты.

Она гнала прочь и мысли о неизбежной кончине мужа, откладывая их на потом. Во второй половине дня Каролина вернулась в больницу, но даже у постели Роско предпочитала не думать о том, что ждет беднягу в скором будущем. Действие наркоза еще не закончилось, но Каролине показалось, что, когда она перед уходом взяла мужа за руку, он легонько сжал ее пальцы.

За обедом Каролина сообщила Лауре Джейн о скором приезде Ринка. Девушка вскочила со стула, обхватила Хейни за талию и закружилась с ней по комнате.

– Видишь, Хейни! Он обещал вернуться – и возвращается! Ура! Ринк возвращается домой! Пойду расскажу Стиву!

И Лаура Джейн побежала на конюшню – у Стива там была

своя комната.

– Ну чего она пристала к парню? Он, наверное, спит и видит, как бы от нее отвязаться, – проворчала экономка.

Каролина усмехнулась:

– Не думаю.

Хейни вопросительно подняла брови, но Каролина не стала развивать свою мысль, а, взяв стакан мятного чая со льдом, вышла на веранду, уселась в плетеное кресло-качалку, откинула голову на цветастую подушку и закрыла глаза.

Больше всего она любила Укромный уголок в этот предвечерний час, когда в доме уже зажигали свет. Тени удлинялись, темнели и растворялись одна в другой так, что все острые углы исчезали, и очертания предметов становились расплывчатыми. Небеса приобретали редкостный фиолетовый оттенок и, казалось, затвердевали. Силуэты деревьев были словно выгравированы на темном фоне. Громко квакали лягушки, пронзительно и неумолчно звенели цикады. Пойма реки поражала своим плодородием. Каждый цветок источал удивительный, неповторимый, пьянящий аромат.

Насладившись минутами отдыха, Каролина открыла глаза и... увидела Ринка.

Он неподвижно стоял под раскидистым дубом. К горлу ее подкатил комок, в глазах помутилось. Это сон или явь?.. Борясь с дурнотой, Каролина сжала в неверной руке холодный стакан. Ведь еще мгновение – и он выпал бы из ее онемевших пальцев.

Ринк отошел от дерева и бесшумно, будто пантера, приблизился к дому. В сгущавшемся сумраке Каролина видела лишь смутный мужской силуэт, однако не сомневалась, что это Ринк. Годы не изменили его. Он был все таким же стройным, как и в их первую встречу. Лицо Ринка пока оставалось в тени, но, заметив белую полосу зубов, Каролина догадалась, что его губы медленно растянулись в дерзкой улыбке.

– Ба! Кого я вижу! Каролина Доусон! – Тон был под стать улыбке.

Ринк поставил ногу на каменную ступеньку и оперся руками о колено. Отблески света, просачивавшегося из холла, упали ему на лицо, и сердце Каролины сжалось от боли и... от любви.

– Только теперь мадам носит фамилию Ланкастер, не так ли?

– Да, теперь я Ланкастер. Здравствуй, Ринк!

О, это лицо... преследовавшее ее в стольких снах, являвшееся в мечтах! Кто бы мог подумать, что Ринк до сих пор – писанный красавец!.. Вернее, не так... Если в двадцать лет он был просто хорош собой, то теперь стал неотразим. Да... Дьявольская красота! Иссиня-черные кудри непокорны – под стать его нраву. Взгляд таинственный, завораживающий... как и тогда, при первой встрече. Люди, лишённые воображения, назовут его глаза светло-карими, но на самом деле они золотые.словно чистейший мед, изысканнейший ликер, пара лучистых топазов.

В последний раз, когда она видела эти глаза, в них сверкала страсть. «До завтра... До завтра, малышка! Встретимся здесь, на нашем месте. О Господи, Каролина! Поцелуй меня еще разок!» И опять: «Ладно, до завтра...» Только вот завтра он не вернулся. Исчез – и больше не появился!

– Забавно, – пробормотал Ринк, всем своим видом давая понять, что ничего забавного тут нет. – У нас с тобой теперь одна фамилия.

Каролина не ответила. Ей, конечно, хотелось крикнуть, что они могли бы уже давно носить одну фамилию, если бы он не предал ее, не оказался подлым лгуном. Однако есть вещи, о которых лучше не говорить вслух.

– Я не слышала, как ты подъехал, – вместо этого сказала она.

– А я прилетел на самолете и добрался сюда с летного поля пешком.

Посадочная полоса находилась примерно в миле от дома.

– Ах, вот как... Но почему?

– Наверное, потому, что не был уверен в теплом приеме.

– Но это же твой дом, Ринк.

Он грубо выругался.

– Ну разумеется!

Каролина облизала пересохшие губы. Она не решалась встать с кресла, боясь, что у нее подкосятся ноги.

– Ты даже не поинтересовался здоровьем отца.

– Грейнджер мне все рассказал.

– Значит, тебе известно, что он умирает?

– Да. И почему-то пожелал со мной увидеться. Чудеса – да и только! – язвительно усмехнулся Ринк.

Каролина вскипела и, уже не думая, выдержат ли ее ноги, вскочила с кресла.

– Как тебе не стыдно, Ринк! Твой отец – старый больной человек. Он совсем не такой, каким ты его помнишь.

– Да он до последнего вздоха останется самим собой.

– Давай не будем спорить.

– А я и не спорю.

– А я не позволю тебе его расстраивать! И огорчать Лауру Джейн с Хейни – тоже. Они так мечтали тебя увидеть!

– Ты мне не позволишь? Ну надо же! Да ты никак возомнила себя тут хозяйкой?

– Прошу тебя, Ринк, не надо! Нам и так будет трудно в ближайшие недели...

– Знаю, знаю! – вздохнул Ринк.

Каролина, опасавшаяся уронить стакан с чаем, поставила его на перила крыльца.

– Я тоже жду не дождусь встречи с ними, – пробормотал Ринк, покосившись на конюшню. – Лаура Джейн недавно выходила из дома, но я не решился выступить из темноты – вдруг, думаю, испугается? Когда мы расставались, она была совсем крошкой. Даже не верится, что у меня теперь такая взрослая сестра.

Каролина вспомнила, как Лаура Джейн и Стив склони-

лись над жеребенком, и натруженные пальцы Стива прикасались к ее щеке. Интересно, как Ринк отнесется к тому, что у его сестры роман с конюхом? Каролина предпочла об этом не думать.

– Да, она уже действительно взрослая, Ринк.

Каролина почувствовала на себе его испытующий, оценивающий взгляд, который подействовал на нее, словно подогретый бренди. Ее бросило в жар.

– А ты... – тихо спросил Ринк, – ты тоже повзрослела, Каролина? Ты стала женщиной, да?

Поразительно! Она совсем не изменилась! Только красота ее еще больше расцвела.

Ринк расстался с Каролиной, когда она была пятнадцатилетней девочкой, и, возможно, ожидал увидеть теперь толстую распустеху с потускневшими волосами и расплывшейся фигурой. Но Каролина была по-прежнему стройной, будто тростинка. Грудь, правда, заметно округлилась, но ничуть не обвисла. Ринку безумно хотелось ее потрогать... Черт побери! Сколько раз папаша лапал эту грудь?

Ринк медленно поднялся по ступенькам крыльца. Он напоминал сейчас хищника, который мучает жертву ради собственного удовольствия, а не для того, чтобы утолить голод. Золотистые глаза, поблескивавшие в темноте, приковали к себе взгляд Каролины. На чувственных губах играла понимающая улыбка. Как будто Ринк догадывался, что она вспоминает вкус его поцелуев. Вспоминает то, о чем давно пора

позабить...

Каролина резко отвернулась.

– Я сейчас позову Хейни. Она...

Пальцы Ринка стиснули ее запястье. Каролина дернулась и замерла. Ей показалось, что на нее надели наручники.

Он повернул ее лицом к себе и вкрадчиво прошептал:

– погоди... Неужели мы не можем поздороваться более сердечно? Мы же с тобой не виделись целых двенадцать лет!

Ринк обхватил Каролину свободной рукой за шею и притянул к себе.

– Не забывай, мы ведь теперь родня!

В глазах его заплясали озорные огоньки, и в следующий миг он впился поцелуем в ее губы. Однако в этом не было ни капли нежности. Ринк был готов растерзать Каролину за все те ночи, когда он лежал без сна и думал о ней, невинной девушке... и о том, как она отдается его отцу.

Каролина уперлась кулаками в грудь Ринка. У нее звенело в ушах, ноги стали ватными. Она боролась с ним, но еще больше – с собой, ибо ей неудержимо хотелось прижаться к нему и вновь, как встарь, замереть от восторга в его объятиях...

Но Каролина понимала, что объятия Ринка теперь для нее оскорбительны, и потому вырывалась. Вырывалась изо всех сил...

Когда ей наконец удалось высвободиться, Ринк сунул руки в карман джинсов и торжествующе усмехнулся, заметив,

что губы Каролины заалели и припухли.

– Приветик, мамуля, – промурлыкал он, наслаждаясь ее гневом.

2

Каролина ахнула. Грудь ее заходила ходуном.

– Да как ты смеешь! – клопоча от ярости, воскликнула она. – Как ты смеешь так себя вести?

– А как ты посмела стать женой старого негодяя, который имеет несчастье называться моим отцом?

– Он не негодяй! И прекрасно ко мне относится.

Ринк сердито фыркнул.

– Ну еще бы! Это ведь он подарил тебе жемчужные сережки и кольца с бриллиантами, да? Ты вышла в люди, маленькая замарашка. И живешь теперь в Укромном уголке. Помнится, когда-то ты призналась мне, что готова все на свете отдать, лишь бы поселиться в таком дворце, – Ринк склонился к ее лицу и издевательски добавил, зло оскалив зубы:

– Хочешь, я угадаю, что ты отдала моему отцу, чем расплатилась с ним за эту женитьбу?

Не помня себя, Каролина вlepила Ринку пощечину. Удар был сильным, ладонь так и горела. Одно утешение – Ринку тоже, наверное, больно.

Он отшатнулся.

Ирония, сквозившая в его усмешке, взбесила Каролину, пожалуй, даже больше, чем откровенно издевательские слова.

– Это мое дело, что я ему отдала! Ты-то за двенадцать лет

вообще ради него пальцем о палец не ударил! Тебя не интересовало, что он расстраивается, страдает от одиночества, тоскует по тебе...

Ринк вновь отрывисто хохотнул:

– Тоскует? Браво, Каролина! У тебя богатое воображение. – Он скрестил руки на груди и насмешливо покачал головой. – Но, увы, вынужден тебя разочаровать. Мой отец тосковать не способен. Тем более если речь идет обо мне.

– Ошибаешься. Он хотел тебя видеть.

– Да он с радостью от меня избавился! И я от него тоже, – резко возразил Ринк. – Ладно, давай обойдемся без сантиментов. Уверяю тебя, Роско они глубоко чужды. Это все иллюзии.

– Не знаю, из-за чего вы тогда поссорились, но теперь он смертельно болен, Ринк. Прошу, не усложняй нам жизнь. Она и без того нелегкая.

– Кому из вас пришло в голову меня вызвать: тебе или Грейнджеру?

– Так захотел Роско.

– И ты туда же, вслед за Грейнджером? Я вам не верю.

– Но это правда.

– Значит, отец что-то затевает.

– Господи, да Роско просто хочет увидеть сына перед смертью! – возмутилась Каролина. – Неужели этого недостаточно?

– Для Роско – нет. Он хитер, люди для него – марионет-

ки. И если ему вдруг понадобилось, чтобы я увидел его при смерти, можешь не сомневаться, у него есть какая-то задняя мысль.

– Ты не должен так отзываться о нем. В конце концов, Роско – мой муж!

– Это твои трудности.

– Каролина! Ты с кем тут... О Господи! Ринк! – Хейни выглянула из дома и, увидев Ринка, бросилась к нему и так стиснула его в своих могучих объятиях, что, окажись на его месте кто-нибудь более хилый, он наверняка бы задохнулся.

Но Ринк лишь крикнул и крепко обнял ее в ответ. Каролина чуть не заплакала, глядя, как с его лица спадает презрительная маска и оно озаряется счастливой улыбкой. В золотистых глазах засветилась неподдельная радость.

– Хейни! Как я скучал по тебе!

– Если скучал, мог бы писать почаще, – проворчала Хейни, делая вид, что сердится.

– Каюсь, каюсь, – вздохнул Ринк, однако глаза его шаловливо поблескивали. Как в детстве, когда он таскал из буфета сладости, а она застигала его на месте преступления. Но ему всегда удавалось выйти сухим из воды.

Вот и сейчас Хейни расплылась в добродушной улыбке.

– А ты, значит, уже встретился с Каролиной?

– Ага. И мы даже успели с ней познакомиться поближе, – откликнулся Ринк, многозначительно поглядев на Каролину.

Но экономка этого не заметила.

– Какой-то ты худющий, – заявила она, придирчиво осматривая Ринка. – Наверное, плохо питаешься? Как не стыдно! Столько денег зарабатываешь, в газетах то и дело твои фотографии мелькают, а сам не можешь нормально поесть! Ладно, пошли в дом. Я как раз ужин приготовила.

– И ореховый торт. По запаху чую, – лукаво подмигнул Ринк, подталкивая Хейни к дверям.

– Торт я испекла просто так! Под настроение.

– Да ладно тебе, Хейни! Не притворяйся!

– А я и не притворяюсь. И жаркое из курицы я не специально для тебя приготовила.

Поселившись в Укромном уголке, Каролина поначалу чувствовала себя там чужой. Но со временем ей удалось познакомиться с Лаурой Джейн и тем самым вызвать расположение Хейни. Однако теперь, прислушиваясь к скрипу старинного паркета под ногами Ринка и к отзвукам его голоса, доносившимся из гулкового зала с высокими потолками, Каролина вновь ощутила себя в этом доме непрошенной гостьей. Укромный уголок принадлежал Ринку, а не ей.

Когда она вошла в кухню, Хейни и Ринк уже сидели за круглым дубовым столом. Хейни щедрой рукой положила в тарелку Ринка двойную порцию.

Он с любопытством оглядел комнату и явно остался доволен.

– Надо же! Ничего не изменилось.

– Ну не совсем, – возразила Хейни. – Пару лет назад стены перекрасили, но я попросила мистера Ланкастера не менять цвет. Мне хотелось, чтобы к твоему возвращению все осталось по-старому.

Ринк поперхнулся и смущенно уставился в тарелку.

– Хейни... я ведь вернулся только на время. Пока отец не поправится...

Хейни, хлопотавшая у плиты, замерла и поглядела на Ринка, словно на шкодливого мальчишку.

– Хватит скитаться по свету, Ринк. У тебя есть дом, и жи-
ви тут.

Он прожег взглядом Каролину, но тут же опустил глаза и сердито буркнул:

– У меня здесь все равно никого нет.

– А как же Лаура Джейн? – тихо напомнила Каролина, усилием воли заставляя себя перешагнуть порог и войти в комнату.

Если она будет торчать в дверях, Ринк еще, чего доброго, решит, что ему удалось на-гнать на нее страху! В ее собственном доме! Да-да, в ее собственном доме, ведь Роско еще не умер, а пока он жив, она имеет право чувствовать себя здесь хозяйкой.

Стараясь держаться уверенно, Каролина подошла к холодильнику и достала графин с охлажденным чаем, хотя на самом деле не испытывала жажды.

– Вот именно! Про Лауру Джейн ты, видно, совсем поза-

был, – подхватила Хейни, протирая и без того блестящий стакан. – А она, добрая душа, каждый день бегает к почтовому ящику – все ждет от тебя письма. Ты бы о ней подумал прежде, чем уехать! Мало ли что вы с отцом повздорили! Девочка-то тут при чем?

– Да мне самому, ты думаешь, было легко с ней расстаться? Как она? Изменилась?

– Естественно. Хорошенькая стала – прямо картинка!

– Ты же знаешь. Я не об этом.

Хейни чуть не уронила стакан.

– Да, я понимаю, что тебя интересует, – напряженно произнесла она. – Но и в этом смысле можешь не волноваться, у Лауры Джейн все в порядке. Я почувствовала по твоим письмам, что ты не понимаешь свою сестру, Ринк. Да, книжная премудрость для нее трудна, но зато во многом другом она разбирается почище записных умников. Не нужно ее чересчур опекать, Ринк. Заранее тебя об этом предупреждаю. Лаура Джейн выросла, и с ней нельзя обращаться, как с больным ребенком. Это красивая девушка. И тем, кто ее раньше не знал, даже в голову не придет, что она не совсем такая, как все.

– И тем не менее факт остается фактом. Она отличается от остальных, – упрямо насупился Ринк.

– Не настолько, – мягко возразила Каролина. – Лаура Джейн прекрасно осознает, что творится вокруг. Просто психика у нее слишком тонкая, хрупкая. Меня лично гораз-

до больше беспокоит ее ранимость, а вовсе не умственное развитие. Если Лаура Джейн разочаруется в том, кого любит, боюсь, ей не оправиться от такого удара.

Не отрывая взгляда от Каролины, Ринк утер рот льняной салфеткой, бросил ее на стол и резко встал.

– Благодарю за проповедь, святая Каролина! Постараюсь учесть ваши наставления.

– Я вовсе не то имела в виду...

– Не надо! Кого вы хотите обмануть? – рявкнул Ринк и, потянувшись к кофейнику, налил чашку до краев.

– Ринк Ланкастер, ты не должен разговаривать с Каролиной в таком тоне! – Хейни была ужасно шокирована тем, что они едва успели познакомиться, а уже на ножах. Из глаз будто искры сыплются, стоит им друг на друга взглянуть...

«Наверное, Ринку не по душе, что отец женился на молодой, – решила Хейни. – Но какое ему дело до отцовской женитьбы? Он ведь с отцом двенадцать лет даже зняться не хотел! Нет, тут что-то другое... Видать, он за усадьбу волнуется...»

Однако вслух она этого говорить, естественно, не стала, а возмущенно спросила:

– Где твои хорошие манеры, Ринк? Чему мы с твоей матерью тебя учили? Не забывай, Каролина – жена твоего отца, и ты должен ее уважать.

Ринк, испепелявший Каролину взглядом, невесело усмехнулся.

– Ну да! Я все как-то забываю, что она моя мачеха.

– А вот и Лаура Джейн, – перебила его Хейни и встревоженно попросила:

– Пожалуйста, не расстраивай девочку, Ринк. Бедняжка сегодня уже пережила один удар – нам пришлось сказать ей правду про здоровье отца. Но слава Богу, малышка восприняла печальную новость спокойно.

За стеклянной дверью послышался нежный голосок Лауры Джейн, а в следующую секунду девушка уже показалась на пороге. Увидев брата, она застыла как вкопанная. Точечная фигурка Лауры Джейн напоминала мраморную греческую статую. На лице сначала отразилось недоумение, но затем глаза радостно вспыхнули, щеки порозовели, на губах заиграла счастливая улыбка.

– Ринк!

Лаура Джейн повисла у брата на шее. Он крепко обнял ее и зажмурился, с трудом сдерживая слезы. Сестра стояла, уткнувшись лицом в его грудь, а Ринк легонько покачивал ее, словно баюкая. Так прошло несколько минут. Потом Лаура Джейн отстранилась и осторожно провела изящными пальчиками по его волосам, щеке и плечу, как бы желая удостовериться, что это не сон.

– Какой ты высокий! – прошептала она. – И сильный...

Засмеявшись, девушка потрогала бицепсы Ринка.

– А ты стала красавицей, – любуясь сестрой, откликнулся Ринк, и они со звонким хохотом снова бросились друг другу

в объятия.

Неожиданно Лаура Джейн посерьезнела.

– Папа скоро умрет, Ринк. Каролина тебе сказала?

– Сказала, – Ринк погладил Лауру Джейн по голове.

– Но у меня останешься ты... и Хейни с Каролиной, и Стив... О Господи! Я же забыла вас познакомить! – Лаура Джейн повернулась к конюху, который вошел вслед за ней и стоял, переминаясь с ноги на ногу, возле двери. – Стив Бишоп, – Лаура взяла его за руку и подвела к Ринку, – пожалуйста, познакомься с моим братом.

Стив осторожно высвободил руку и протянул ее Ринку.

– Рад знакомству с вами, мистер Ланкастер.

– Зовите меня просто Ринком, – сказал тот, и они обменялись крепким рукопожатием. – Вы давно здесь работаете?

– Чуть больше года.

Ринк посмотрел на сестру, что-то припоминая.

– Да-да, Каролина мне писала о вас.

– Ой, Ринк! Знаешь, что вчера случилось? Наша кобыла ожеребилась! – принялась воодушевленно рассказывать Лаура Джейн. – И угадай, кто принимал жеребенка? Стив!

– Э-э... мне, пожалуй, пора взглянуть, как они там... – смущенно пробормотал конюх.

– Может, сначала выпьешь чайку с тортом? – предложила экономка.

Стив покосился на Ринка и отвел глаза.

– Нет, спасибо. Надо проведать жеребенка.

– Стив, можно я утром тоже приду на него посмотреть? – простодушно спросила Лаура Джейн, снова беря его за руку.

– Конечно, – ласково улыбнулся конюх. – Малыш будет скучать без тебя.

– Спокойной ночи, Стив! – крикнула девушка, когда конюх, прихрамывая, направился к черному ходу.

– Спокойной ночи, Лаура Джейн! – Стив прикоснулся к полям соломенной шляпы и исчез в темноте.

Ринк задумчиво глядел ему вслед, держась за ручку стеклянной двери. Хейни засуетилась, раскладывая по блюдам большие куски орехового торта и щедро украшая их ванильным кремом.

– Я не буду, Хейни, – предупредила Каролина. – Спасибо, но я лучше пойду к себе. У меня сегодня был тяжелый день.

– Тебе нездоровится, да? Может, лекарство какое дать? – забеспокоилась экономка.

– Нет-нет, мне нужно только выспаться – и все будет нормально, – заверила ее Каролина и, поцеловав на прощание Лауру Джейн, сказала:

– Спокойной ночи! Завтра мы поедем в больницу, и ты повидаешься с папой.

– Спокойной ночи! Правда, хорошо, что мой брат вернулся, Каролина?

– Конечно, – Каролина спокойно выдержала насмешливый взгляд Ринка. – Хейни приготовила для твоего брата комнату. Доброй ночи, Ринк!

И, не дожидаясь ответа, она опрометью кинулась к лестнице. Ей было тяжело находиться с ним в одной комнате. Да и потом, Лаура Джейн и Хейни, после смерти Мар лены заменившая осиротевшим детям мать, наверняка хотели поговорить с Ринком без посторонних.

Персидский ковер, устилавший пол в холле второго этажа, заглушал звуки ее шагов. В спальне царил полумрак. Горели только два ночника, но Каролина поспешила их выключить. Ей не терпелось погрузиться в темноту и забыться.

Из большого окна был виден зеленый склон, спускавшийся к реке. Луна недавно зародилась, но даже в свете бледного полумесяца вода отливала серебром, В природе царил покой, а в душе Каролины бушевала буря. За один день она трижды испытала потрясение. В первый раз – когда узнала, что ее муж со дня на день умрет. Затем догадалась про Стива и Лауру Джейн... И вот увидела Ринка...

Каролина со вздохом отошла от окна и принялась раздеваться. Налив в ванну горячей воды, она погрузилась в ароматную пену, закрыла глаза и... наконец дала волю слезам. Господи, как же ей было жалко Роско! Он так плохо себя чувствовал, но упорно отказывался сходить к доктору. Впрочем, неудивительно. Деятельные мужчины ненавидят болеть. Да, пожалуй, скорый конец – это благо. Было бы слишком жестоко, если бы энергичный, самолюбивый Роско оказался на долгие месяцы прикованным к больничной койке и мучился сознанием собственного бессилия...

Каролина лежала в ванне, пока слезы на ее щеках не высохли, а вода не остыла.

Пора было ложиться спать. Дом уже затих. Она сняла с кровати покрывало, устало опустилась на матрас, и вдруг... в дверь тихо постучали. Каролина подскочила как ужаленная.

Выглянув в щелочку, она напряженно всмотрелась в темноту.

– Ты зачем пришел?

– Чтобы поговорить с тобой.

Ринк по-хозяйски распахнул дверь. Каролине пришлось сделать шаг назад и впустить его в спальню. Устроить скандал она не решилась из страха переполошить весь дом. Ринк замер посреди комнаты и медленно повернулся, осматриваясь. Затем подошел к окну и прикоснулся к занавеске, словно проверяя на ощупь, та ли это ткань, что запомнилась ему с детства. Взгляд его упал на пузырьки и флакончики, расставленные на старинном туалетном столике, потом скользнул наверх – туда, где висело зеркало. Кого он надеялся там увидеть? Маленького мальчика, каким был когда-то?

– Эта комната принадлежала моей матери, – вдруг негромко сказал Ринк.

Каролина нервно стиснула руки.

– Знаю. Мне здесь тоже нравится. Это моя любимая комната.

– Ага, она как будто бы специально для тебя создана, – ухмыльнулся Ринк, глядя на отражение Каролины в зерка-

ле. – Впрочем, и моя мать смотрелась здесь прелестно. Эта спальня дышит женственностью.

Каролине стало не по себе под пристальным взглядом, который откровенно раздевал ее. И хотя Каролина была в ночной рубашке до пят и в домашнем халате, ей показалось, будто она стоит перед Ринком обнаженная. А главное, он думал о том же самом! Она в этом нисколько не сомневалась.

Глаза Ринка дерзко шарили по ее телу, останавливаясь на груди, на талии, на бедрах. И, словно откликнувшись на молчаливый зов, она затрепетала от желания. Затрепетала, проклиная свою чувственность, но не в силах совладать с собой. Темно-золотистые глаза Ринка творили с ней что-то невероятное.

Он поднес к губам рюмку, в которую был налит бурбон, и неторопливо отпил маленький глоток, смакуя вкус дорогого виски. По телу его разлилось приятное тепло.

– Отец любит изысканные напитки, – одобрительно сказал Ринк, – и хорошеньких женщин. Ты очень мило смотришься в этой комнате, Каролина. Особенно в полумраке.

Он растянулся на кушетке, стоявшей в углу спальни. Кушетка была для него явно коротковата. Подложив руку под голову, Ринк поставил рюмку на живот и следил за Каролиной, как ястреб следит за своей добычей. Она боялась пошевелиться и стояла, словно прикованная к полу.

– Мои родители никогда не спали вместе в этой спальне, – небрежно проронил Ринк.

Однако ему не удалось ввести ее в заблуждение. Ринк не имел привычки говорить что-то просто так, лишь бы поддержать разговор, и Каролина это прекрасно знала.

– Когда Лаура Джейн родилась, он запретил маме появляться в его спальне. Я хорошо помню, как это было. Мама горько плакала и долго не могла успокоиться. Но отец был неумолим. Они больше не спали вместе. – Ринк отхлебнул виски и хрипло рассмеялся. – Он не простил ей, что она родила такую дочь.

– Но Роско любит Лауру Джейн! – воскликнула Каролина. – И желает ей только добра.

Ринк невесело рассмеялся:

– О да, нам ли не знать, как он желает другим добра!

Усилием воли Каролина заставила себя сдвинуться с места. Подойдя к кровати, она присела на краешек и напряженно спросила, теребя в руках поясок халата:

– Ты об этом хотел со мной поговорить, да?

– О чем именно? – уточнил Ринк, иронически подняв бровь. – О мужьях и женах, которые не спят вместе, или о Лауре Джейн?

Он открыто провоцировал ее. Господи, и куда подевалась его мягкость? Он был так нежен во время их тайных свиданий, так охотно делился с ней самым сокровенным... Новый Ринк Ланкастер был ей совсем чужим... и в то же время до боли знакомым!

Рубашка Ринка расстегнулась. Каролина заворуженно

следила за тем, как его грудь поднимается и опадает при каждом вздохе. Когда она встретила Ринка впервые, по этой мускулистой груди, поросшей темными волосами, струилась речная вода... Он был таким же подтянутым и стройным... ни намек на живот... джинсы плотно облегли его бедра, а впереди, под «молнией», выступал бугорок...

Каролина покраснела и потупилась.

– Зачем ты затеваешь такие разговоры? Пожалуйста, не втягивай меня в ваши склоки с отцом.

Ринк счел, что это ужасно смешно, и весело расхохотался. Потом, успокоившись, лениво допил виски, не спеша поднялся с кушетки и направился к Каролине. Тусклый ночник слабо освещал комнату, и на смуглое лицо Ринка падали густые тени. В его облике было что-то сатанинское, опасное и... необычайно притягательное. Он подошел к ней почти вплотную. Каролина еле сдержалась – ей хотелось в ужасе отпрянуть. Но боялась она не Ринка, а себя. Своей реакции на его прикосновения.

– Завтра утром мне будет нужна машина. Вот я и пришел поинтересоваться, можно ли позаимствовать твою.

– Конечно, можно, – облегченно вздохнула Каролина. – Я сейчас дам тебе ключи.

Она встала с кровати, стараясь держаться подальше от Ринка, но проход был узким, и на мгновение их бедра соприкоснулись. Тугие мышцы Ринка напряглись, словно сведенные судорогой. Каролина резко отшатнулась и, подбежав

к столику, на котором лежала сумка, порылась в ней дрожащими пальцами, вынула ключи и положила Ринку на ладонь.

– А куда ты поедешь?

– Хочу перед встречей с отцом переговорить с доктором. Вы с Лаурой Джейн ждите меня здесь. Часов в десять я за вами заеду и отвезу вас в больницу.

– Хорошо, что мы поедem не очень рано. А то мне нужно было с утра немного поработать.

– Насколько я понимаю, ты теперь управляешь фабрикой?

– Я веду бухгалтерию.

– Да-да, Грейнджер мне говорил. Уверял, что отец без тебя как без рук. И что так повелось еще с тех пор, когда ты была у него секретаршей.

Ринк навис над Каролиной, обдавая ее горячим дыханием. От него пахло дорогим бур-боном.

– Грейнджер мне льстит, — Каролина шагнула в сторону, но Ринк сделал то же самое, не давая ей уклониться.

– Ну почему льстит? Ты ведь необходима моему папочке. В самых что ни на есть разных аспектах.

Ее глаза сверкнули, как молнии.

– Почему ты пристаешь ко мне со своими грязными намеками. Ринк?

– Потому что мне нравится тебя бесить, вот почему! Ты же у нас ангел во плоти. Такая юная, чистая, непорочная... — Последнее слово он произнес с убийственной издевкой.

Она замахнулась, чтобы ударить его, но Ринк схватил ее

за руку и притянул к себе. Грудь его была словно отлита из железа. Каролина наступила ему на ногу, но это не возымело действия – босыми пальцами ботинок не прошибешь. Лицо Ринка маячило примерно в дюйме от ее лица.

– Один раз тебе это сошло с рук, – процедил он сквозь зубы, – но не вздумай ударить меня еще раз. Ты об этом горько пожалеешь.

– Вот как? И что ты мне сделаешь? Дашь сдачи?

Ринк по-волчьи оскалился.

– О нет. Я отыграюсь на другом. Но учти, тебе не понравится. – И чтобы у Каролины не осталось сомнений в его намерениях, Ринк еще плотнее прижал ее к себе. – Или наоборот? Может, ты, наоборот, придешь в экстаз, Каролина? А? – Пряжка его ремня больно впиалась в живот Каролины. – Для всех остальных ты миссис Роско Ланкастер, но для меня – по-прежнему Каролина Доусон, девчонка, которая гуляла летом перед работой в лесу и... медленно сводила меня с ума.

Каролина вскинула на Ринка потемневшие от гнева глаза. Они напоминали сейчас две грозовые тучи. Еще мгновение – и загремит гром, засверкают молнии, хлынет дождь...

Роскошные волосы Каролины спадали на спину буйным каскадом.

– Значит, ты все-таки помнишь, Ринк... А я-то думала, у тебя память отшибло.

Глаза Ринка на мгновение распахнулись, но тут же сузи-

лись и словно прочертили огненные полосы по ее губам, шее и груди, видневшейся в вырезе ее халата. В этих глазах сквозило смятение.

– Да, – хрипло пробормотал он. – Да, черт побери! Я помню...

Он так неожиданно отпустил ее, что она покачнулась и чуть не упала. Слава Богу, успела ухватиться за туалетный столик!

Когда Каролина пришла в себя, Ринк уже был у порога комнаты и через секунду с грохотом захлопнул за собой дверь.

Проклятие! Лучше бы он не помнил.

Прибежав в спальню, Ринк сорвал с себя рубашку, схватил бутылку, позаимствованную из отцовского бара, плеснул в рюмку виски и рухнул в кожаное кресло, стоявшее возле окна. Однако бурбон почему-то потерял свою прелесть. Скривившись от отвращения, Ринк отставил рюмку в сторону и сбросил с ног ботинки.

Они мягко упали на ковер, а он откинулся на подголовник кресла и унесся мыслями в прошлое, в тот летний день, когда он основательно накачался джином и его развезло на жару. Тогда он отправился на реку, разделся догола и плюхнулся в воду – туда, где били холодные ключи. А когда вылез, вытерся, надел джинсы – увидел ее...

– Боже мой! – воскликнул Ринк, торопливо застегивая

джинсы. – И долго ты тут стоишь?

Девушка смотрела на него с таким выражением, что он чуть не покатился со смеху. Бедняжка от потрясения лишилась дара речи.

Ринк уже начал терять терпение, когда она наконец пролепетала:

– Я... нет, я только что пришла.

– Что ж, очень хорошо, я ведь купался в чем мать родила. Так что приходи ты чуть пораньше, мы бы с тобой попали в неловкую ситуацию.

Ринк улыбался уверенно, с чувством собственного превосходства. Девушку в полосатых чулках и дешевой одежке все еще била мелкая дрожь, но она тоже улыбнулась. Правда, робко и боязливо.

– Надеюсь, я вам не помешала?

В данных обстоятельствах ее вежливость выглядела нелепо.

– Не помешала. Я уже искупался. Сегодня очень жарко.

– Да, жара просто невыносимая. Потому я и пошла вдоль берега. Здесь прохладнее, чем на дороге.

Девушка заинтриговала его с самого начала. Она была не только изумительно красива, от нее веяло чем-то нездешним. Чистенькая, аккуратно выглаженная, но старомодная юбчонка... От белой блузки пахло хозяйственным мылом и крахмалом, а вовсе не «Свежей росой» – духами, которыми пользовались тогда все знакомые девушки Ринка.

Из-под тонкой блузки просвечивал белый лифчик, похожий на панцирь. В том кругу, к которому принадлежал Ринк, девушки носили совсем другие, открытые бюстгалтеры. Ринк не сомневался в том, что они делают это с единственной целью – свести с ума своих поклонников.

Ему вдруг стало стыдно за столь циничные мысли. Он привык беззастенчиво оценивать физические данные женщин, с которыми сводила его жизнь, но сейчас перед ним была не женщина, а почти девочка, подросток. Сколько ей лет? Пятнадцать? Да, пожалуй... От силы шестнадцать. Со всем ребенком, да к тому же до смерти напуганный...

Но красота необыкновенная... Кожа чистая, глаза с поволокой, фигурка стройная, точеная и удивительно женственная. Блестящие темные волосы отливали рыжиной (Ринку пришло на ум сравнение с полированным красным деревом), и стоило ветерку пошевелить листья деревьев, как солнечный свет падал на темные пряди и в них вспыхивали огненные искры.

– Куда ты идешь?

– В город. Я работаю в «Вулворте».

Ни одна из знакомых Ринка не работала летом. Большинство девушек проводили время в бассейнах – своих собственных или городских – или гуляли по центру города, а потом встречались с приятелями и устраивали вечеринки.

– Давай все-таки познакомимся. Я Ринк Ланкастер.

Девочка посмотрела на него с каким-то странным выраже-

нием. Наверно, его вид смутил и одновременно заворожил ее. Она боролась с любопытством, но никак не могла оторвать взгляда от его голой груди, живота и полурасстегнутой ширинки. В любом другом случае Ринк решил бы, что это сулит ему легкую победу. Раз женщина так на него смотрит – значит, она доступна и не прочь позабавиться. Но в глазах этой девушки светилась такая откровенная наивность, что Ринк покраснел. Ему стало стыдно за свое неглиже. А тут еще он, к своему ужасу, ощутил, что ее взгляды его возбуждают!

Стараясь не потерять самообладания, он шагнул вперед и протянул девушке руку. Она немного поколебалась и робко ответила на рукопожатие.

– Каролина Доусон, – дрожащим голосом проговорила девушка и подняла на Ринка глаза.

Они смотрели друг на друга...

Минуты шли. В лесной тишине жужжали шмели, по небу летел самолет, речная вода плескалась о замшелые валуны, лежавшие на берегу. Бог знает, сколько прошло времени прежде, чем Ринк и Каролина разомкнули руки.

– Доусон? – переспросил Ринк и сам изумился тому, что его голос, как в переходном возрасте, сорвался на фальцет. – Дочь Пита Доусона?

Каролина потупилась, плечи ее поникли. Пита Доусона знал весь город. Он целыми днями играл в домино и попрошайничал. А набрав на бутылку, покупал дешевого виски и

успокаивался до утра.

– Да, – тихо проговорила Каролина. Она явно стыдилась отца, но, не желая в этом признаваться, вскинула голову и с достоинством, от которого у Ринка защемило сердце, произнесла:

– Мне надо идти, а то опоздаю на работу.

– Приятно было с тобой познакомиться, – сказал Ринк.

– Мне тоже.

– Будь осторожна, когда идешь через лес.

Девочка рассмеялась.

– Не понимаю. Что тут смешного? – нахмурился Ринк.

– Ты говоришь про осторожность, а сам купался там, где водится всякая зараза. Разве ты не мог искупаться в бассейне?

Ринк пожал плечами.

– Мне было жарко.

Вот и сейчас его бросило в жар. Когда девушка смеялась, запрокинув голову, Ринка неудержимо манило поцеловать ее в белую, нежную, соблазнительную шейку. Волосы плавными волнами спадали на хрупкие плечи. Ринк вдруг подумал, что хозяйственное мыло и крахмал пахнут просто божественно. Гортанный смех Каролины ласкал его слух. Казалось, она гладила его тонкими пальчиками, и это была такая сладкая мука...

Ринк взмок от волнения. От него сейчас можно было прикуривать.

– Во сколько ты кончаешь работу? – спросил он, ничуть не меньше Каролины удивляясь тому, что его это интересует.

– В девять, – Каролина опасливо попятилась.

– И возвращаешься домой в темноте?

– Да. Но тогда я иду по дороге. А по лесу хожу только когда светло.

Ринк ошарашенно молчал. Он никогда не встречал таких удивительных девушек.

– Ладно, я пошла... а то на работу опоздаю, – пробормотала Каролина, отступая еще на несколько шагов, но Ринк почувствовал, что ей не хочется уходить.

– Да-да, конечно, иди, не задерживайся. До свидания, Каролина! Скоро увидимся.

– До свидания, Ринк.

Скупые фразы – а сколько чувств за ними стояло! Ринк надеялся встретить ее вновь. Она же в это не верила.

Он вернулся к автомобилю. Верх был опущен, и Ринк запрыгнул на сиденье, даже не потрудившись открыть дверцу. Домчавшись до Укромного уголка в рекордный срок, он взбежал по лестнице, пропуская ступеньки, ворвался в свою комнату и...

И теперь, как тогда, его неотступно преследовал образ Каролины. Перед мысленным взором Ринка возникла картина двенадцатилетней давности... Тогда он тоже вошел в комнату, наспех разделся, бросил одежду на пол и рухнул в крес-

ло. И поза его была той же самой, и та же женщина занимала его мысли. Она до сих пор для него загадка, ускользающая мечта, наваждение.

И теперь, как и двенадцать лет назад, Ринк вынужден был со вздохом признать, что надежды на исцеление нет. Он страстно желает Каролину и ничего не может с этим поделать.

3

Каролина проснулась рано. Это было некстати, ведь ей так хотелось поспать подольше, оттянуть горький миг пробуждения, когда придется вспомнить и про близящийся конец Роско, и про возвращение Ринка!

Внизу тихо скрипнула дверь. Кто-то вышел из дома. Откинув одеяло, Каролина встала с кровати и вышла на балкон. Солнце еще не поднялось над верхушками деревьев, но небо на востоке уже розовело. От влажной росы поднимался туман – верный признак того, что день опять будет жарким и душным.

Ринк, спускавшийся с крыльца, вдруг остановился на нижней ступеньке. Каролина знала, что он обожает здешние места. Они были ему необходимы как воздух, и все эти годы у Каролины сжималось сердце, когда она думала о том, что Ринк изгнан из отчего дома.

Через минуту он уже медленно шел к своей машине. Ринк достал из кармана спортивной куртки ключи, открыл дверцу «Линкольна» и в эту секунду заметил Каролину.

Она не шелохнулась, не издала ни звука. Лишь глаза ее говорили ему: «Здравствуй!»

Взгляды их встретились. Золотисто-розовые лучи солнца осветили горизонт. В утренней дымке все окружающее казалось нереальным, все предметы словно отступили и в ми-

ре остались только они вдвоем, и не нужно было больше ни перед кем притворяться, скрывать друг от друга свои чувства...

Так прошло несколько минут. Потом Ринк резко распахнул дверцу «Линкольна» и уехал, а Каролина, взволнованная и печальная, отошла от окна и начала одеваться.

«Почему, почему все так случилось?» – сокрушенно думала она.

Ринк Ланкастер – ее единственная любовь. Правда, их роман длился совсем недолго, но все-таки... По крайней мере для нее это было что-то особое, удивительное. Она размечталась о невозможном. Ласки Ринка настолько опьянили ее в то лето, что Каролина поверила его словам. А ведь он говорил просто так... Просто так... Для него это было очередное мимолетное увлечение.

А потом Каролина, по странной прихоти судьбы, вышла замуж за отца Ринка. Когда Роско сделал ей предложение, она подумала, что о лучшем нечего и мечтать. Это замужество сулило ей положение и богатство. Люди, всю жизнь смотревшие на нее свысока, будут теперь считаться с ней.

Ринк уехал. Все считали, что навсегда. Господи, почему ей не пришло в голову, что однажды он может вернуться? В каком она тогда окажется положении?! А может... может, ей страшно кое в чем признаться даже себе? Может, она вышла замуж за Роско не ради того, чтобы скрасить его последние годы, не ради собственного положения, а лишь из мести?

Чтобы заставить Ринка ревновать ее к собственному отцу и сожалеть о своем предательском бегстве? Неужели ей хотелось отыграться на нем за всю ту боль, которую он ей причинил? Да, следует признать, она втайне надеялась, что, узнав о женитьбе отца, Ринк вспомнит то жаркое лето и придет в ярость...

Каролина печально улыбнулась своему отражению в зеркале.

– Нет, дорогая, ему просто стало смешно. Смешно и противно.

Когда Каролина спустилась вниз, чтобы выпить кофе, Хейни уже хлопотала на кухне.

– Доброе утро!

– О, ты сегодня ранняя пташка!

– Да, сегодня на фабрике выплата зарплаты. Я хочу поскорее рассчитаться с рабочими, и тогда весь день будет свободен, – Каролина отхлебнула кофе. – Ты, я вижу, тоже встала сегодня пораньше.

– Надо же было приготовить для Ринка хороший завтрак!

– Но он уже уехал, Хейни.

Экономка в недоумении обернулась.

– Уже?

– Да. Примерно час назад.

Хейни сокрушенно покачала головой.

– Он так плохо питается! Безобразие! Я хотела пригото-

вить на завтрак его любимые блюда, а он взял и уехал. Ну куда это годится?

Каролина ласково погладила Хейни по плечу.

– Накорми этим завтраком Лауру Джейн. А она пусть пригласит Стива. Уверю тебя, они будут очень довольны.

– Ладно, – вздохнула Хейни. – Но без Ринка мне это будет не в радость. Мне все не в радость с тех пор, как он женился и уехал из города.

«И я с Хейни совершенно согласна», – думала Каролина, направляясь в кабинет Роско.

Ей до сих пор было больно вспоминать тот день, когда Ринк не пришел на свидание. В отчаянии она прибежала на работу и там узнала то, о чем уже судачил весь город: Ринк Ланкастер женится на Мерили Джордж, юной дочери одного из самых богатых уин-стонвильцев. Все мечты Каролины в одну минуту разбились вдребезги...

Она проглядывала бухгалтерские книги, заставляя себя вникать в цифры. Потом позвонила на фабрику – справиться, как идут дела. Все вроде бы было нормально.

– Пожалуйста, работайте как обычно, Барнес, – сказала Каролина. – Пока Роско жив, хозяин на фабрике он, а я лишь рассказываю ему обо всем, что у вас происходит.

– Я так и думал, мэм, – ответил мастер и повесил трубку.

Каролина была уверена, что далеко не всем на фабрике нравится получать приказания от женщины. Тем более от дочери Пита Доусона. Однако никто из этих людей не выска-

зывал своих претензий вслух. Пока-то они молчат, но будут ли молчать, когда Роско не станет?

– У тебя неприятности?

На пороге кабинета стоял Ринк.

Каролина поспешила придать своему лицу небрежное выражение.

– Пустяки. Обычная рутина. Сам знаешь, что такое фабрика.

– Откуда мне знать?

Ринк перекинул куртку через плечо, держа ее одним пальцем за вешалку. Верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты.

– Я уехал из города, не успев приобщиться к хлопковому бизнесу. – Он уселся на краешек стола и наклонился к Каролине. – Почему бы вам не посвятить меня в тонкости этого дела, уважаемая хозяйка?

Каролина, вскипев, резко вскочила. Стул упал на пол. Они уставились друг на друга, будто боксеры на ринге, ожидающие свистка, чтобы начать схватку.

– Ринк! Хейни послала меня за тобой. Завтрак готов, иди есть, – оживленно проговорила Лаура Джейн, вбегая в кабинет. – Доброе утро, Каролина! Хейни и тебя позвала. Сказала, чтобы вы оба шли немедленно.

Ссоры удалось на время избежать, но Ринк, похоже, не собирался оставлять Каролину в покое. Он вынудил ее отправиться в столовую с ним за ручку. То, что за другую руку

Ринк держал Лауру Джейн, не могло служить Каролине утешением. Ринк обращался с ней по-хозяйски, его прикосновение жгло ей ладонь.

Хейни закатаила прямо-таки королевский пир, но, несмотря на все ее старания, завтрак не удался. Ринк был явно недоволен, обнаружив рядом с Лаурой Джейн Стива. Тот нервно поглядывал по сторонам и, судя по всему, был готов к тому, что его в любую минуту выдворят из-за стола.

Ринк и Каролина старались разговаривать как можно непринужденнее, но скрыть взаимную неприязнь им явно не удалось. Хейни не понимала, в чем дело, и злилась из-за того, что ее попытка устроить Ринку торжественный прием провалилась.

Одна лишь Лаура Джейн сияла, радуясь тому, что рядом с ней люди, которых она любит.

Но и она недолго пребывала в безмятежном расположении духа.

– Почему вы такие сердитые? – внезапно спросила Лаура Джейн.

От изумления все потеряли дар речи. Интуиция у Лауры Джейн была сверхъестественной, и девушка моментально почувствовала атмосферу враждебности, царившую за столом.

Первой нарушила молчание Каролина.

– О нет, мы не сердитые, мы просто беспокоимся за Роско, – ласково сказала она, погладив девушку по руке.

– Да, но зато теперь с нами Ринк. И Стив, – Лаура Джейн с любовью посмотрела на конюха. – Давайте радоваться, что мы наконец собрались вместе.

За столом возникло неловкое молчание. Ринк первый попытался исправить положение, он одобрительно улыбнулся Стиву и повернулся к Каролине с вопросом. Каролина оживленно начала рассказывать Ринку об общих знакомых: рассказала, кто на ком женился, кто с кем развелся, кому удалось в жизни преуспеть, а кому – пока нет.

Когда с завтраком было покончено, Стив встал из-за стола, поблагодарил Хейни и направился к выходу.

– погоди, Стив! – окликнула его Лаура Джейн. – Я с тобой.

– Нет, сестренка, мы едем в больницу, – резко оборвал ее Ринк.

– Но я хочу поведать жеребенка. Мы со Стивом еще вчера договорились, что я приду утром на конюшню.

Стив смущенно переминался с ноги на ногу, не смея поднять глаза.

– Лаура Джейн, твой отец очень расстроится, если ты не приедешь, – проговорил он. – А жеребенок никуда не денется. Посмотришь на него в другой раз.

– Ну ладно, Стив, – согласилась девушка. – Тогда я забегу, когда мы вернемся.

Стив кивнул и поспешил ретироваться.

– Я скоро вернусь, – сказала Каролина. – Лаура Джейн, ты

не хочешь привести себя в порядок перед отъездом?

– Да, конечно.

Вскоре Каролина и Лаура Джейн спустились вниз. Ринк в холле разговаривал с Хейни. В руках у нее были свежесрезанные розы.

– Хейни тоже хочет навестить отца, но она поедет на своей машине, – объяснил Ринк. – Лаура Джейн, садись в машину Хейни, будешь держать цветы, чтобы они не рассыпались.

– Давай я сяду с Хейни, – торопливо вызвалась Каролина, но Ринк остановил ее взглядом.

– Мне надо с тобой кое-что обсудить, садись-ка в мою машину, – Ринк буквально затолкнул ее в «Линкольн».

– Ты видел доктора? – задала первый вопрос Каролина.

– Да, и он сказал мне то же самое, что и вам с Грейнджером.

– А он... сказал, когда это может слу...

– В любой момент.

Они молча выехали на шоссе. Лишь подъезжая к городу, Ринк спросил:

– Кто такой Стив?

– Ты имеешь в виду Стива Бишопа? – насторожилась Каролина.

– Да.

– Наш конюх.

Ринк раздраженно поморщился:

– Это я понял, а нельзя ли поконкретнее?

– Он воевал во Вьетнаме.

– И там он был ранен и теперь хромает, да?

– Да, Стив потерял во Вьетнаме ногу, – Каролина обернулась к Ринку – ей была интересна его реакция.

Он воспринял это сообщение внешне хладнокровно, но руки его напряженно сжали руль. Весь облик Ринка Ланкастера свидетельствовал о его железной воле, непреодолимом упрямстве и дьявольской гордыне.

Каролина понимала, что Ринк был готов возненавидеть Стива. Однако пробудить в себе ненависть к калеке да к тому же к ветерану вьетнамской войны было для Ринка непростой задачей.

– Когда Стив пришел наниматься на работу, он был страшно ожесточен, – продолжала рассказывать Каролина. – Ему уже отказали в нескольких местах, и у него выработалась своего рода защитная реакция. Но вообще-то он неплохой парень, честный, трудолюбивый.

– Я ничего не имею против него, но мне не нравится, что Лаура Джейн так льнет к нему.

– Почему это тебя так злит?

– И ты еще спрашиваешь? – возмутился Ринк. – Потому что это ненормальные отношения, которые до добра не доведут. Незачем ей вертеться возле молодого холостого мужчины.

– Но что в этом неестественного? Она ведь не замужем.

– Вот-вот. И не имеет никакого понятия о сексе. Думаю,

ей неизвестно даже, чем мужчины отличаются от женщин.

– Скажешь тоже! – фыркнула Каролина.

– А если известно, то тем более не стоит проводить столько времени в его обществе. Потому что он-то, я уверен, эту разницу знает прекрасно.

– А мне кажется, Стив ей подходит. Он добрый и терпеливый, он сам прошел через страдания, причем не только физические. Ему понятно, что значит быть изгоем и чувствовать себя отвергнутым. Он лучше, чем кто бы то ни было, может понять Лауру Джейн.

– А если он, видя, что она от него без ума, воспользуется ее слабостью? Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

– Стив на такое не способен.

Ринк усмехнулся:

– Еще как способен. Он мужчина, она красивая девушка, возможностей у них предостаточно.

– Ты, я гляжу, досконально разбираешься в таких вещах, да? – в запальчивости почти вскрикнула Каролина.

Ринк резко затормозил, разворачиваясь на больничной стоянке, и посмотрел на Каролину в упор. Он еле сдерживал свою ярость.

– Уж тебе-то, Ринк, хорошо известно, как обманывают невинных девушек и как дают обещания, которые не собираются выполнять.

– Ты про что? Про то лето?

– Да! У меня до сих пор не укладывается в голове, как ты

мог признаваться мне в любви и спать с Мерили. Бедный, ты, наверное, чуть не заработал нервное истощение. Или я нужна была тебе для разогрева? Чтобы приятнее было заниматься любовью с невестой?

Перед тем как выскочить из машины, Ринк успел существенно просветить Каролину по части нецензурных выражений. Когда он в сердцах хлопнул дверцей, до Каролины дошло, что все это происходит на глазах у Хейни и Лауры Джейн, которые уже поджидали их у входа в больницу. Каролину трясло, но она постаралась взять себя в руки. К лифту она подошла, как всегда, приветливая и спокойная.

Медсестра, дежурившая на этаже, прежде чем впустить посетителей в палату, где лежал Роско, попросила не задерживаться надолго.

– Он плохо спал – ночью у него были сильные боли.

– Может быть, я войду сначала одна и скажу ему, что вы тоже приехали проведать его? – предложила Каролина.

Никто не возражал. Ринк волновался. Хейни была явно напугана предстоящим визитом. Лаура Джейн смотрела на все широко раскрытыми глазами, казалось, еще минута – и она бросится наутек.

Каролина толкнула тяжелую дверь и вошла в самую просторную и дорогую палату во всей больнице. На подоконнике и на столике рядом с телевизором стояли вазы с цветами. Каролина не питала иллюзий – она хорошо знала, что Роско не пользовался любовью среди горожан, но люди уважали, а

точнее, боялись его, о чем свидетельствовали многочислен-
ные визитные карточки, присовокупленные к букетам.

Вид у Роско был совсем не грозный. На его осунувшемся
землистом лице уже лежал отпечаток близкой смерти. Глаза
запали, губы посинели, но взгляд их был живой и заинтере-
сованный.

– Доброе утро, милый! – Каролина поцеловала мужа в
лоб. – Медсестра сказала, ты плохо спал ночью. Но хоть
немножко отдохнуть тебе удалось?

– Не говори глупостей, – оборвал он Каролину. – Отдох-
нуть я еще успею – впереди у меня целая вечность. – Ро-
ско усмехнулся, губы его скривились в страдальческой гри-
масе. – Хотя некоторые надеются, что покоя мне после смер-
ти не видать – ведь грешники попадают в ад. Ну хватит об
этом, поговорим о делах. Ты выплатила рабочим зарплату?

– Да. – Резкость мужа больно задела Каролину. Она по-
нимала, что не должна обижаться на мужа – человек смер-
тельно болен, какие уж тут обиды! – Я с ними расплатилась
сегодня утром.

– Хорошо. Надо, чтобы все шло по заведенному поряд-
ку, никаких сбоев. Нечего меня хоронить раньше време-
ни, – корчась от боли, Роско схватился за живот и выругался
яростно и грязно.

Когда боль немного отпустила Роско, Каролина решилась
сказать:

– Я пришла не одна.

– Неужели кто-то еще хочет меня видеть?

– Лаура Джейн и Хейни.

– Хейни? Что здесь понадобилось этой лицемерке? Она же меня всегда ненавидела. Считала, что я женился на Марлене из-за денег и ее поместья. И когда Ринк уехал из дома, она во всем обвинила меня. Вообще, если ее послушать, то во всех неприятностях нашей семьи виноват я!

Каролина знала, что заступаться сейчас за Хейни бесполезно, и все же не удержалась и спросила:

– Тогда почему ты ее не выгнал?

– Представь себе, мне нравилось с ней собачиться. Этакая домашняя тренировка. Значит, теперь она пришла сплясать в последний раз на моих костях! Ну и дела!

Роско и раньше частенько бывал в дурном расположении духа. Обычно Каролина старалась не обращать внимания на его выпады, и он постепенно успокаивался. Но сегодня Каролина вдруг почувствовала жгучую обиду, она едва сдерживала слезы. Господи, как же можно омрачать ссорами эти, может быть, последние дни? Или он специально хочет сделать ей больно?

– Пожалуйста, Роско, не сердись. Хейни действительно хотела видеть тебя, она принесла тебе самые лучшие розы. Она очень переживает за тебя.

Роско раздраженно махнул рукой, что можно было принять за великодушное согласие.

– А Лауре Джейн тут делать явно нечего! – снова загово-

рил Роско. – Она умрет со страху, когда увидит меня. Кстати, Лаура Джейн уже знает, что я скорее всего не вернусь домой?

Каролина опустила глаза, не в силах выдержать пронзительный взгляд мужа.

– Знает. Я ей вчера сказала, – тихо проговорила она.

– И что она ответила?

– Она уверена, что ты не будешь страдать, непременно попадешь в рай и встретишься там с Марленой.

Роско коротко хохотнул, но тут же скрючился от боли.

– Да, такое только в ее пустую голову могло прийти.

Каролину покоробили его слова, но перечить мужу она не решилась. Мало кто отваживался спорить с Роско.

– Сказать им, чтобы вошли?

– Да-да, – еле слышно проговорил Роско. – Лучше поскорее отделаться.

– Еще один человек приехал навестить тебя, Роско.

Тон Каролины насторожил мужа. Он испытующе поглядел на нее, и она почувствовала, как краска заливает ее лицо.

– Кто приехал? Ринк? Каролина кивнула.

– Да, Грейнджер позвонил ему, и Ринк прилетел в тот же день.

– Ну что ж, я даже рад. Хочу поговорить с ним на прощанье.

Каролина облегченно вздохнула. Слава Богу! Этим упрямам давно пора помириться! Она бросилась к двери. Роско смотрел ей в спину холодным, неприязненным взгля-

дом.

Первой в палате появилась Лаура Джейн. Порывисто обняв отца, она воскликнула:

– Я так скучаю по тебе, папочка! А у нас дома маленький ребенок. Если б ты видел, какой он красивый!

– Что ж, я рад, Лаура Джейн, – пробурчал Роско, легонько отстраняя дочь.

«Да, Роско ничто не заставит измениться», – с грустью подумала Каролина: Роско никогда не отвечал на нежные порывы Лауры Джейн, Каролина могла в этом убедиться.

– А ты, я гляжу, все розы с моих кустов оборвала, – обратился Роско к экономке.

Но Хейни не спасовала. Она привыкла пререкаться с хозяином и не испытывала перед ним ни малейшего страха.

– На то они и цветы, новые еще вырастут, – спокойно ответила она. – Я еще не все привезла. Половина дома осталась – надо же было обеденный стол украсить.

Роско одобрительно крякнул. Он ценил в людях храбрость, а Хейни тридцать лет подряд вела с ним «холодную войну», и Роско считал ее достойным противником.

– Ладно, к черту цветы! Лучше бы поесть мне принесла.

– Не положено. Больничное начальство не разрешает.

– Плевать я хотел на начальство! – прорычал Роско. – Слышите? Плевать!

Он неприязненно оглядел женщин и перевел взгляд на сына. Несколько минут они молча смотрели друг на друга. По-

том Роско трескуче рассмеялся:

– Все еще злишься на меня, Ринк?

– Нет, все это давно в прошлом.

– Потому ты и приехал, да? Помириться с папашей, пока он не сыграл в ящик? Или тебя больше интересует завещание?

– Мне нет дела до твоего проклятого завещания.

– Я, пожалуй, пойду и заберу с собой Лауру Джейн, – осторожно вмешалась Хейни, чувствуя, что назревает скандал. – Поцелуй папу, детка, и пойдем.

Лаура Джейн наклонилась к отцу, но Роско не был склонен к нежному прощанию. Его злой изучающий взгляд был устремлен на Ринка, и Каролина вдруг отчетливо поняла, что два поколения Ланкастеров разделяют не только годы...

– А ты стал интересным мужчиной, Ринк, – оценивающе проговорил Роско. – Теперь ты уже не ягненок, а волк, который никого не пощадит, кому угодно глотку перегрызет. На газетных снимках этого не было видно, там ты такой обаятельный, всегда улыбаешься, но я подозревал, что в тебе прорежутся родовые свойства. И не ошибся.

– У меня был перед глазами достойный пример.

Роско выдавил из себя смешок, короткий и омерзительный, как плевок.

– Ты прав, сынок! Прав, разрази тебя гром! Только так можно пробиться в жизни. Иди по головам и никому спуска не давай, тогда преуспеешь. – Вдруг он нетерпеливо взмах-

нул рукой. – Да садитесь же вы!

– Спасибо, я лучше останусь на своих ногах, – отказался Ринк. Каролина же с удовольствием опустилась на стул – этот разговор отнял у нее все силы.

Господи, как же она не видела раньше очевидного: ее муж – жестокий, циничный человек?! Неудивительно, что Ринку опостытели его поучения, и он сбежал из дому. Для Каролины никогда не было тайной, что отец и сын недолюбливают друг друга, но она даже не подозревала, насколько глубока эта неприязнь.

– В газетах писали, что твоя авиакомпания процветает.

– Да, мы с моим компаньоном возлагали на «Эр-Дикси» большие надежды. И они оправдались.

– Вы ведете умную политику: привлекаете пассажиров низкими ценами и живете за счет оборота. В результате другие компании разоряются, а вы только богатеете.

Даже если Ринк и был удивлен тем, что отец был хорошо осведомлен о его делах, виду он не подал.

– Да, я вполне доволен жизнью.

В палату вошла медсестра со шприцем.

– Пора сделать обезболивающий укол, мистер Ланкастер.

– Тычьте иголки в свою задницу, а мою оставьте в покое, – рявкнул старик.

– Роско! – остановила его Каролина, шокированная грубостью.

– Мистер Ланкастер, я выполняю предписания врача, –

твердо заявила медсестра.

– Начхать мне на этого идиота! Это пока еще моя жизнь, и я волен распоряжаться тем, что от нее осталось, так, как мне вздумается. Не желаю никаких уколов! Пусть болит! Ясно? Убирайтесь к чертовой матери!

Сестра поджала губы, но спорить не решилась.

– Роско, но ведь она... – начала было Каролина, когда медсестра закрыла за собой дверь.

– Перестань корчить из себя святую, Каролина! Это действует мне на нервы!

Что с ним творится? Никогда раньше он не позволял себе разговаривать с ней в таком тоне. Каролина отшатнулась, словно от удара.

– Если у тебя нет ко мне других чувств, кроме сострадания и жалости, можешь сюда больше не приходить! – Каждое слово Роско дышало яростью.

Каролина, с глазами, полными слез, схватила сумку и устремила к двери.

– Ах ты, мерзавец! – Ринк весь кипел гневом. – Я не позволю тебе так с ней обращаться! Плевать мне на твое состояние!

Роско зло скривился:

– Не суйся не в свое дело, сынок! Она моя жена, и я сам решаю, как мне с ней обращаться.

Ринк с ненавистью посмотрел на отца и молча вышел из палаты, хлопнув дверью.

Каролина неподвижно стояла в конце коридора, привалившись к стене. Ринк подошел к ней сзади и хотел было тронуть ее за плечо, но вдруг замер в нерешительности. Каролина, не замечая его, уставилась невидящим взором в окно. Ринк осторожно коснулся ее рукой.

Каролина испуганно обернулась.

– Ну как ты? Успокоилась? – тихо спросил Ринк.

О Господи! Зачем он так с ней говорит? Ведь те же самые слова он говорил ей двенадцать лет назад! И его голос тогда был таким же ласковым и волнующим. Все эти годы его голос звучал в ней, напоминал о прошлом, будил безумные надежды.

Каролина смотрела на Ринка полными слез глазами. Ринк подумал, что она плачет оттого, что Роско унизил ее на его глазах. Но он ошибся. Каролина плакала об их прошлом, которое так и не стало их общим настоящим. И снова у нее перед глазами встал первый вечер, который они провели вместе...

Кто-то посветил ей фарами в спину. Каролина ускорила шаг. Она не любила возвращаться домой одна. Надо было, конечно, подождать отца, но Бог знает когда он отправится домой. Да и вряд ли в таком состоянии отец мог быть надежной защитой от хулиганов.

Как же ей было стыдно признаваться Ринку Ланкастеру, что она дочь пьяницы! Теперь от него не скроешь, что они

живут в лачуге, что ее мама вынуждена подрабатывать прачкой, а сама она ходит в чужих обносках, которые перепадают ей от маминых заказчиков.

Она, конечно, хорошо знала Ринка в лицо. Ланкастеров в Уинстонвиле знали все. Каролина не раз любовалась Ринком издали, когда он мчался в красном спортивном автомобиле с откинутым верхом и ветер трепал его черные волосы. Рядом обычно сидела какая-нибудь девушка, и Ринк обнимал ее за плечи. Из радиоприемника неслась громкая музыка. Ринк качал головой в такт мелодии и весело приветствовал знакомых, которых у него было великое множество. Кого-то другого оштрафовали бы за превышение скорости, а Ринка – нет, ведь среди его знакомых был и помощник шерифа. Ринк был всеобщим любимцем. Еще бы! Звезда футбола, капитан баскетбольной команды, чемпион автогонок, наследник роскошного поместья и самой большой хлопковой фабрики в округе!

Весь день Каролина думала о Ринке Ланкастере. А теперь торопилась домой, чтобы поскорее юркнуть в постель и без помех насладиться воспоминаниями о том, что он ей сказал. Он-то, конечно, и думать о ней забыл, а она...

– Привет, Каролина! – раздалось из машины, затормозившей за ее спиной.

Каролина оглянулась и, не веря своим глазам, уставилась на улыбающегося Ринка, который распахнул перед ней дверцу.

– Садись, подвезу.

Каролина испуганно посмотрела по сторонам, словно боялась, что кто-нибудь увидит ее наедине с Ринком.

– Не знаю... Может, не стоит?

Он рассмеялся:

– Почему?

«Потому что человек, зовущийся Ринком Ланкастером, не подвозит на своей машине оборванок вроде Каролины Досон», – хотела сказать Каролина, но от волнения не смогла вымолвить ни слова.

– Да садись же! – с обворожительной улыбкой повторил Ринк, и Каролина не устояла.

Роскошное кожаное сиденье было таким мягким! На передней панели весело помигивали разноцветные огоньки.

– Ты любишь шоколадный коктейль?

Каролина лишь молча кивнула в ответ. Она пила шоколадный коктейль один раз в жизни.

– Угощайся. Я заехал по пути в молочный магазин «Марта», – Ринк кивком указал на бумажный стаканчик. Он был прикрыт крышкой, из которой торчала соломинка.

– Спасибо, – робко проговорила Каролина.

Вкус холодного коктейля показался ей божественным. Она зажмурилась от удовольствия, чем явно порадовала Ринка.

В приемнике звучала тихая музыка, верх машины был поднят. Ринк явно не хотел, чтобы их видели вместе, но Ка-

ролину это нисколько не задело. Достаточно того, что он предложил ее подвезти и угостил шоколадным коктейлем. Дочка пьянчуги Доусона и не мечтала о такой удаче.

– Как твоя работа?

– Хорошо. Сегодня я продавала наборы посуды.

– Красивые?

– Нет. Я бы сама никогда не купила такие тарелки.

Ринк рассмеялся.

– Значит, в твои планы не входит торговать посудой всю жизнь?

– Конечно, нет!

– А чего бы тебе хотелось?

«Учиться в колледже», – мысленно произнесла Каролина, прекрасно осознавая несбыточность этой мечты.

– Не знаю, – пожалала она плечами. – Вообще-то мне нравится математика. В школе я считалась одной из лучших учениц, моя фотография целых два года провисела на доске почета.

Надо же было его хоть чем-нибудь поразить! Пусть этот вечер ему запомнится! А уж она его не забудет по гроб жизни. Ее, Каролину Доусон, подвез до дому Ринк Ланкастер! Невероятно! У него же столько девушек! Они и старше ее, и куда интересней. Эти девушки хорошо одеваются, ходят в фешенебельные клубы, их матери ездят на роскошных лимузинах и занимаются благотворительностью. Ни одна из таких красавиц никогда не унижится до разговора с Каролиной

Доусон.

– Ты разбираешься в математике? Жаль, что я раньше тебя не знал. Ты бы мне помогла. В колледже у меня с математикой были нелады.

– Тебе нравится учиться?

– В принципе да, но я рад, что все уже позади.

– Ты что, уже кончил школу?

– Ага, полтора месяца назад.

Не спрашивая, как проехать к ее дому, Ринк свернул на проселочную дорогу.

– Тебе необязательно подвозить меня к дверям, – поспешно сказала Каролина.

– Но здесь темно.

– Ничего, я не боюсь. Пожалуйста, останови машину. Я немного пройду пешком.

Ринк без возражений нажал на тормоз.

В такой счастливый день Каролине не хотелось ссориться с матерью, которая непременно потребовала бы объяснений, если бы увидела машину Ланкастера. Но главное, Каролина боялась, что Ринк увидит, в какой нищете она живет.

Ринк заглушил мотор, и их со всех сторон обступила тишина. Он выключил фары и опустил верх автомобиля. Лунный свет освещал их лица. Легкий ветерок ласково перебирал волосы.

Ринк положил руку на спинку сиденья и повернулся к ней, упершись коленом в ее ногу. От него потрясающе пахло до-

рогим одеколоном. Каролина вдруг отчетливо поняла, что рядом с ней не мальчик, а взрослый мужчина. А она еще ни разу не оставалась с мужчиной наедине, ведь за ней никто никогда не ухаживал.

Каролина в растерянности пила коктейль. Ринк молча следил за ней взглядом. Внезапно соломинка хлюпнула, и стаканчик опустел. Каролина в смущении подняла на Ринка глаза.

Он улыбался.

– Ну как? Хороший коктейль?

– Да, очень. Большое спасибо. – Она протянула ему пустой стаканчик. Он засунул его под сиденье и приблизил свое лицо к лицу Каролины.

Как и утром, они рассматривали друг друга с жадным любопытством. Ринк ласкал взглядом ее щеки, шею и грудь, а Каролина млела, чувствуя, как по ее телу разливается приятное тепло. Оно стало почти невесомым, и лишь в низу живота она чувствовала непривычную тяжесть.

Ринк провел указательным пальцем по ее нижней губе. У Каролины перехватило дыхание.

– Ты очень хорошенькая, – наконец хрипло проговорил Ринк.

– Спасибо.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– Пятнадцать!

Он вполголоса чертыхнулся и отвел взгляд. Но, похоже, глаза его не слушались, потому что через секунду Ринк вновь посмотрел на Каролину.

– После нашей встречи в лесу я целый день думал о тебе.

Теперь его рука прикасалась к ее щеке, а палец, словно заколдованный, никак не мог оторваться от нижней губы.

– Я тоже о тебе думала.

Ринк расплылся в довольной улыбке.

– И что ты думала?

Каролина зарделась. Хорошо, что было темно и он этого не заметил. Стесняясь посмотреть Ринку в глаза, она уставилась на расстегнутый ворот его рубашки.

– Ну... разное. – Она передернула плечами, стараясь казаться равнодушной.

– Разное? – снова улыбнулся Ринк, но теперь эта улыбка была мимолетной. – А ты думала о... – Он запнулся в поисках подходящего выражения.

Каролине пришло на ум слово «тискать». Мальчики всегда тискали девочек, прибегавших к ним на свидания. А девчонки потом обменивались впечатлениями, собираясь в группки, но Каролину не допускали до участия в таких разговорах.

Однако Ринк выразился иначе.

– Ты думала о... нас с тобой? О том, как мы...

– Что? – еле слышно переспросила Каролина.

– Как мы целуемся...

Каролина молчала, казалось, в гулкой тишине слышно лишь биение ее сердца.

– Ты когда-нибудь целовалась?

Она поспешно кивнула. Но Ринка ей не удалось обмануть.

– Господи, ты совсем еще ребенок! – воскликнул он изумленно. – Послушай, ты не испугаешься, если я тебя поцелую?

– Я не боюсь тебя, Ринк.

– А... моих поцелуев? – ласково спросил он, глядя Каролину по голове.

– Нет... Я... я буду рада, если ты меня поцелуешь.

– Каролина! – жарко прошептал он, придвигаясь поближе.

Она ощутила на своей щеке его дыхание и закрыла глаза. Губы Ринка осторожно коснулись ее губ. Каролина не отпрянула от Ринка, она словно ждала продолжения, и Ринк поцеловал ее более страстно. Поцелуи Ринка пробудили в девушке какие-то смутные желания. Каролина и сама не понимала, чего она хочет. Во всяком случае, не того, чтобы ее «тискали». Это слово совершенно не вязалось с удивительными чувствами, которые она сейчас испытывала.

Ринк взял лицо Каролины в ладони и жадно припал к ее губам. Она покорно разомкнула их, и Ринк, тихонько застояв, провел по ним языком. Каролина похолодела от ужаса, но сопротивление ее быстро сошло на нет, и она с восторгом отдалась новым, неведомым ощущениям.

Каролина была в полном смятении. Что происходит? Ей до сих пор было неизвестно, что такое любовный пыл. Все-

пившись в рубашку Ринка, она понимала только одно: ей хочется прижаться к нему всем телом. Не в ее силах было сопротивляться этому желанию. Каролине было и страшно, и радостно оттого, что близость Ринка вызывает у нее такую бурю чувств.

Ринк ласково поцеловал ее трепещущие губы и с сожалением отстранился, разомкнув объятия. Какое-то время она сидела, смежив ресницы, а когда наконец подняла отяжелевшие веки, в глазах ее сквозила истома. Истома, переполнявшая все ее тело.

– Ну как ты? Успокоилась?..

Теперь, стоя в холодном больничном коридоре, она ответила ему точно так же, как двенадцать лет назад после первого поцелуя.

– Да, Ринк... Все в порядке...

«Может быть, и он вспомнил тот давний, напоенный звуками и запахами лета вечер?!» – подумала Каролина, когда Ринк посмотрел на нее долгим взглядом, а потом резко отвернулся и сухо бросил через плечо:

– Тогда пошли.

4

– Он такой хорошенький! Ты тоже. – Руки Лауры Джейн, гладившие жеребенка, замерли, а темные глаза обратились к Стиву, который произнес два этих коротких слова с невыразимой нежностью.

– Ты правда так думаешь?

Стив мысленно выругался, услышав этот наивный вопрос. Сколько раз он себе твердил, что надо быть осторожней! Лаура Джейн такая доверчивая и простодушная! Ее легко обидеть, поэтому он должен быть очень осторожен в высказываниях.

Стив поднялся на ноги.

– Конечно, ты очень симпатичная девушка, – как можно спокойнее произнес он и, прихрамывая, вышел из стойла.

Он все чаще ощущал необходимость воздвигнуть между собой и Лаурой Джейн прочную преграду. Ведь она даже не подозревала, какие желания пробуждают в нем запах ее волос и матовая белизна кожи. А если б узнала, пришла бы в ужас.

Стив снял с крюка седло. Ринк сказал ему, что собирается утром покататься верхом, и Стив не хотел ударить лицом в грязь. Пусть и седло, и сбруя – все будет в идеальном порядке!

Стив понимал, почему молодой хозяин относится к нему

с такой антипатией. Ринк ведь не слепой и, естественно, заметил, какие взгляды бросает конюх на его сестру.

Стив не обижался на Ринка за его неприязнь. Ничего удивительного, что он так волнуется за сестру. К ней и вправду надо относиться бережно. Будь у него самого такая сестра, он тоже берег бы ее как зеницу ока.

Но, с другой стороны, что поделывать, если Лаура Джейн ему так мила?! Он не искал этой любви, она пришла к нему сама. И теперь ему без Лауры Джейн нет жизни.

Девушка подошла к нему и, стоя рядом, внимательно наблюдала, как он моет седло. Локоть Стива почти касался ее груди.

Конюх яростно орудовал тряпкой, стараясь не думать о близости девушки.

Лаура Джейн, разочарованная тем, что Стив больше не говорит ей комплиментов, спросила:

– У тебя нога болит, да?

– Нет. С чего ты взяла? – удивился Стив.

– Потому что ты хмуришься. Когда тебе больно, у тебя всегда бывает мрачный вид.

– Нет, я просто делаю свою работу, вот и все.

Лаура Джейн придвинулась еще ближе.

– Давай я тебе помогу, Стив.

Он отступил на шаг. Кровь гулко стучала в висках. Господи, эта девушка – сущий ангел, а он... он смеет оскорблять ее своими непристойными фантазиями!

– Не надо. Я сам справлюсь.

– Ты тоже думаешь, у меня не получится? Я знаю, все считают, что я ни на что не гожусь.

Стив вскинул голову.

– Ну что ты! Как это не годишься?

В темных глазах девушки была затаенная боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.